

Визит из преисподней

Автор:

Марина Серова

Визит из преисподней

Марина С. Серова

Частный детектив Татьяна Иванова

Частный детектив Татьяна Иванова расследует дело о похищении четырехлетнего сына крупного предпринимателя Бутковского. Главным подозреваемым становится ведущий экономист фирмы. Но вскоре его убивают. Почерк преступника – удушение жертвы собственным галстуком – хорошо знаком местным сыщикам. Загвоздка лишь в том, что предполагаемый убийца был взорван в машине несколько лет назад. Может, он вернулся из преисподней?...

Марина Серова

Визит из преисподней

Пролог

Двадцать лет назад

...Мужчина и женщина были поглощены друг другом. Времени у них оставалось немного – обеденный перерыв имеет свойство быстро кончаться, и они не хотели терять ни минуты.

Женщина, разумеется, не была женой этого мужчины. У него была другая жена – постарше и пострже. Но сейчас она находилась в командировке.

Впрочем, и у этой женщины – более молодой и гораздо более эффектной – был, кажется, какой-то муж... Но для нашей истории это не имеет ровно никакого значения. А с этим мужчиной они не были даже постоянными любовниками. Скорее – как бы это выразиться? – периодическими партнерами, что ли... У нее были и другие, а у него – тем более. Он относился к тому типу мужчин, перед которыми женщины не могут устоять.

Правда, он никогда прежде не приводил своих женщин к себе домой. Но в этот раз – надо же! – случилось именно так. Жена-то была в командировке, значит, ее как бы временно вообще не существовало...

У него, однако, хватило совести не вводить любовницу в супружескую спальню. Устроились на софе в большой комнате, в которой спал сын и которая «по совместительству» служила семье из трех человек еще и гостиной. А что же прикажете делать, если в квартире было всего две комнаты?..

Процесс был, в общем-то, уже закончен, но они не спешили расставаться. Время позволяло понежиться еще немножко. Мужчина медленно, со знанием дела, покрывал ее шею, плечи и запрокинутый подбородок мелкими, благодарными поцелуями. Уж в этом-то он был неподражаем – умел завершить все красиво и эффектно. Потому-то все его женщины были от него без ума.

Эта женщина тоже была от него без ума. Ее темные влажные ресницы страстно подрагивали: она глубоко запустила пальцы в его густые волосы, шевелила их блестящие темно-русые волны и мурлыкала от удовольствия.

Ей захотелось не только чувствовать, но и видеть его. Она повернула голову: просвет между ресницами стал шире, влажный туман рассеялся, и...

О ужас! Ее глаза встретились с глазами мальчика, застывшего на пороге комнаты: широко распахнутыми, серыми, как у отца.

Женщина инстинктивно зажмурилась, отказываясь верить в случившееся. И правда, помогло: когда она снова приоткрыла веки, видение исчезло! Никакого мальчика, дверь по-прежнему была плотно закрыта...

– О Боже, мальчик! Олег, там был мальчик!

– Какой мальчик, что ты!

– Твой сын! Он был там, в дверях. Я видела...

– Брось, не может быть! Виталька в школе. Потом у него тренировка, репетиция... Да он домой вернется не раньше четырех!.. Ты перегрелась. – Мужчина положил ладонь ей на лоб, тихо засмеялся и поцеловал женщину. – Слишком много занимаешься любовью!

– Нет, Олег, нет! Я его ясно видела. Ты все же пойди посмотри. Я боюсь...

Он пошел и посмотрел. Нигде никого. Входная дверь заперта. Вот дурак – забыл наложить цепочку! Не ровен час и в самом деле... Тьфу-тьфу! Он вытер со лба холодный пот. Вот напугала, мышка-глупышка...

Вернулся в комнату и, картинно облокотившись о дверной косяк, наблюдал, как женщина торопливо застегивает блузку. Она смотрела на него испуганно-вопросительно. Он не выдержал и расхохотался.

– Эх ты, фантазерка моя! Придумать такое... «Да был ли мальчик-то?..» Помнишь, откуда это? Нет там никого! И не могло быть. Тебе померещилось!

– Ну, я не знаю...

Он притянул ее к себе и зажал ей рот поцелуем. На дорожку...

...А мальчик сидел на чердаке, на сломанном деревянном ящике, обхватив руками острые коленки и глядя прямо перед собой все так же широко раскрытыми, неподвижными глазами.

Мальчику было тринадцать лет, и он уже знал, чем могут заниматься мужчина и женщина в постели. В общих чертах, конечно. В те времена «это» еще нельзя было запросто увидеть во всех подробностях на телевизионных и киношных экранах, а про «видики» и говорить нечего: они у нас были еще впереди, так же

как эпидемия СПИДа. Но папа и мама! Они, конечно, были совершенно особенными мужчиной и женщиной, и у них наверняка все происходило как-то не так. Иначе. Красивее... И вообще «это» было сладкой тайной, о которой мальчик всегда думал с замиранием сердца. И хотел узнать, и боялся...

Он видел все своими глазами. Никаких сомнений быть не могло. И этот голый мужчина, лежавший на его софе с незнакомой женщиной, был его отцом!

Мальчик не плакал, не бился в истерике. Но лучше бы это было так! В нем происходило гораздо более страшное: плакала и корчилась в судорогах его душа. Она умирала! И вместе с ней умирал в мучениях окружавший мальчика мир.

В этом мире, родном и привычном, он был, конечно, не самым лучшим мальчиком. Случалось, удирал с уроков, чтобы погонять в футбол, а то и просто помечтать в тиши чердака, хватал нелепые двойки (хотя дурачком вовсе не был), приходил домой с разбитым носом, дразнил девчонок... Но был и не самым плохим – это тоже надо признать! А главное, в этом мире он точно знал: это – хорошо, это – плохо, это – плохо, но простительно, а вот через это нельзя переступить ни в каком случае. Например, разбить мячом окно, конечно, нехорошо, но... с кем не бывает! А вот обидеть того, кто слабее, – это уж совершенно недопустимо! Это... это все равно что сомневаться, что твой папа – самый сильный, самый умный, самый красивый, самый добрый, самый честный и благородный человек на свете и что ты сам, когда вырастешь, непременно должен стать таким же.

Нельзя было говорить одно, а делать другое. Нельзя было нарушать данное слово. Нельзя было подглядывать в замочную скважину. «Это недостойно мужчины» – так всегда говорил отец. И для мальчишки эти слова были самым суровым приговором, страшнее самого страшного наказания...

И вот в один миг все несущие конструкции мироздания рассыпались в прах. И только потому, что заболела химичка и Виталик решил перед тренировкой по гимнастике забросить домой портфель!

Он сидел, обхватив руками колени, посреди этого хаоса. Посреди обломков своего мирка, еще час назад казавшегося надежным и уютным. Запретов больше не было. Все было позволено! Это не вызывало радости, но и страха больше не

было – страха сделать что-то «недостойное мужчины». Зачем вообще быть достойным чего-то, если, оказывается, можно и так взять все, что хочется? Мир, который рушится от такого пустяка, не стоит ломаного гроша. И наплевать на его дурацкие условности, которыми этот мир, словно фиговым листком, пытается прикрыть свою подлость, глупость, ложь и несправедливость! Если этот мир и достоин чего-то – то только презрения и мести. Мести!

«Мяу!» – послышалось возле самой его ноги.

– Мурик! Ты откуда взялся? – Мальчик протянул руку и поднял на колени рыжего гладкошерстного котенка-подростка с янтарными глазами – любимца дворовой детворы.

Рука мальчика машинально сделала несколько поглаживающих движений... и остановилась. Мурик, играя, пытался поддеть носом человеческую ладонь...

Этот котенок – тоже часть его погибшего мира. В принципе все это одинаково никчемные, бесполезные вещи: и чердак с его тайнами и надеждами, и отцовские нравоучения о мужском достоинстве, и этот маленький комочек мяса, костей и рыжей шерсти... Так пусть все идет к черту! Если он только что похоронил свои детские иллюзии, так неужели станет жалеть какого-то котенка?!

Пальцы мальчика замкнулись под шерстью вокруг горла. Шея оказалась совсем-совсем тоненькой... Мурик смотрел на человека слегка удивленно: что это за новую странную игру ты придумал? Но рука давила все сильнее и сильнее... В какой-то момент она дрогнула, ослабела, но... вместо полных ужаса глаз котенка мальчик увидел глаза той женщины у него в комнате...

Через минуту все было кончено. Теперь уже мальчик удивленно смотрел на вытянувшееся у его ног тощее тельце, на страшную, оскаленную мертвую морду. Все еще не веря, протянул дрожащие руки, поднес труп котенка к лицу...

– Что я сделал... Что я сделал?! Зачем?.. Мурик, прости меня! Прости меня-а-а...

Переполюнявшая его боль наконец-то хлынула наружу в судорожных рыданиях. Рыжая тусклая шерстка мертвого котенка сразу стала мокрой от слез.

- Прости меня!.. Мурик... Про-сти!.. Прости...

Но было поздно. Он уже переступил черту.

Так мальчик совершил преступление. Первое в своей жизни...

Глава 1

Ночное знакомство

Полная июньская луна сияла за окном, словно лик томной восточной красавицы, вдохновлявшей моего любимого поэта Омара Хайяма.

А мне, глядя на эту луну, хотелось выть, словно одинокой волчице. Впрочем, может, волчицы вовсе и не воют на луну, только волки?.. А, все равно!

Если вы – женщина, если вам скоро двадцать семь, и в прекрасную летнюю ночь поблизости не находится еще одной пары любящих глаз, чтобы вместе смотреть на луну, – что вам остается? Выть от тоски! И то, что вы в полной мере обладаете всеми прелестями луноликих хайямовских красавиц... ну ладно – почти всеми, и что в придачу являетесь неплохим частным детективом, – вряд ли может служить вам утешением. Скорее – наоборот.

«Ах, я сама, наверно, виновата, что нет любви хорошей у меня...»

Вот-вот! Именно это и ответили мне пять минут назад мои заветные двенадцатисторонние гадальные косточки, когда я задала им – оракулам моей судьбы – конкретный, без обиняков, вопрос: в чем причина моей затянувшейся (на целых полчаса!) хандры? На трех костях выпала комбинация: 15+25+6. Что означает, если мне не изменяет память (а она мне не изменяет, можно сказать, никогда): «У вас нет единственно любимого. Внимательно пересмотрите свою жизнь и измените отношение к происходящему. Будьте доброй и любите Бога больше, чем материальные блага».

Господи, прости меня, грешную! Нам, сыщикам, больше подходит другой принцип: на Бога надейся, а сам не плошай! И вообще: слишком уж какой-то умозрительный путь к «единственно любимому» мне предлагается! Хотелось бы что-нибудь попонятней, а главное – покороче...

Кто знает: быть может, я в эту ночь и осталась бы до конца верной жанру «страдания одинокой женщины» и в духе этого жанра даже всплакнула бы на груди у подушки-«девичьей подружки». Но...

Зазвонил телефон.

Он затрезвонил резко, противно, нахально поправ мои философические раздумья. От возмущения я не сразу сняла трубку. Пусть тот, на другом конце провода, прочувствует всю глубину своего морального падения.

– Алло!!!

– Ради Бога, простите за столь поздний звонок. Добрый вечер. Вернее, уже глубокая ночь... – Слышавшийся в трубке баритон был бы, несомненно, приятен, если бы его обладатель не был так взволнован. Перед тем как набрать мой номер, этот мужчина уж точно не разглядывал луну. – Я говорю с частным детективом Ивановой?

– Верно, вы попали не в службу точного времени, но могу вам сообщить, что сейчас час ноль шесть. Не рановато ли для деловых звонков?

– Еще раз простите, я никогда не посмел бы, если б не чрезвычайные обстоятельства... Ради всего святого, прошу вас, не вешайте трубку, выслушайте меня!

Не вешать трубку? Да я и не собиралась! Кажется, пора простить беднягу – видать, у него и вправду крупные неприятности.

– Не волнуйтесь, я вас внимательно слушаю. – Мой голос заметно потеплел. – Я все равно не спала.

– Спасибо, я постараюсь не отнять у вас много времени. – Баритон на другом конце провода благодарно встрепенулся. – Моя фамилия Бутковский, Олег Николаевич Бутковский, но вряд ли вам что-то скажет мое имя. Я предприниматель, у меня собственное дело...

Скромный человек, это хорошо. Другой бы на его месте сказал: «Вам, конечно, знакомо мое имя» – и был бы, кстати, совершенно прав. Разве только какой-нибудь совсем безнадежный лох в Тарасове не слышал про Олега Бутковского и его дело. Свою производственно-коммерческую фирму «Бутон» – ныне процветающее предприятие со множеством филиалов и с миллиардными оборотами – он начинал лет семь-восемь назад с обычного ларька на окраине города. Всего, чего добился этот человек, он добился своими руками и своей же головой. Во всяком случае, так твердила молва. Не менее известна была его репутация честного бизнесмена. За его фирмой – опять же по утверждениям знающих людей – не стояли никакие теневые структуры. Генеральный директор «Бутона» не водил дружбы с мафией. (Я бы выразилась осторожнее: Бутковский ограничивал свои отношения с мафией необходимым минимумом, ибо еще классик сказал – нельзя жить в обществе и быть свободным от общества.)

Словом, Олег Николаевич Бутковский мог бы служить прекрасным примером настоящего – без всяких кавычек – нового русского. Если бы не одно маленькое «но»: явная принадлежность к другой – тоже, без сомнения, великой, но все же не русской – нации.

Еще я знала о нем следующее: ему под шестьдесят, но он в отличной форме, увлекается конным спортом, прекрасно образован, интеллигентен. Вдовец по первому браку, несколько лет назад снова женился на некой юной особе – говорят, сногшибательной красоты. То ли бывшей фотомодели, то ли актрисе, словом, что-то в этом роде. Типичный случай... Правда, слышала я и то, что брак этот, вопреки досужим предсказаниям, получился во всех отношениях счастливым.

Всей этой информации с лихвой хватило мне, чтобы ответить:

– Я слышана о вас, Олег Николаевич. Так какая же беда заставила вас обратиться ко мне?

Честно говоря, казалось совершенно невероятным, что у такого человека вообще может стрястись какая-либо беда, более крупная, чем, скажем, неожиданная поломка факса в офисе. Но с забарахлившими факсами не обращаются к частным детективам, да еще посреди ночи!

– Я... У меня пропал сын.

– Как – пропал?!

– Исчез сегодня днем... то есть теперь уже – вчера. Факты говорят о том, что это похищение. – Бутковский произнес эту фразу почти спокойно, но я услышала, каких невероятных усилий ему это стоило.

– Какие факты, Олег Николаевич?

– Прежде всего записка. Антон – это мой сын, ему недавно исполнилось четыре годика – был с Гришей, нашим водителем. Григорий должен был... Ну, в общем, получилось так, что он оставил мальчика одного на несколько минут. В вестибюле детской поликлиники. А когда вернулся за ребенком, его там не оказалось. Конечно, никто ничего не видел. Григорий долго искал Антона повсюду, заглянул в каждую подворотню, в подъезды... Впрочем, Антоша никогда не ушел бы просто так, он послушный мальчик, а с Григорием они вообще друзья... Ну вот, а когда Гриша вернулся наконец к машине, на лобовом стекле, за «дворником», он нашел эту самую записку. Вот она, дословно: «Мальчик у нас. Если вам дорога его жизнь – не обращайтесь в милицию. В субботу ждите дальнейших указаний на даче, с вами свяжутся».

– На даче?

– Да, именно так там написано. Может быть, они хотят получить дополнительные гарантии моего молчания, не знаю. Хотя при желании я могу позвонить в милицию и с дачи... Но об этом, конечно, не может быть и речи. Я хочу получить своего сына живым! В общем, в семь утра мы с женой едем в Усть-Кушум. Вот почему, Татьяна Александровна, я рискнул побеспокоить вас среди ночи. Я хотел просить вас...

Голос его сорвался, и Бутковскому не сразу удалось с ним совладать. Я решила хоть немного помочь моему ночному собеседнику и вставила реплику:

– Мы сэкономим время, если будем обходиться без моего отчества. Просто Татьяна. Так о чем вы хотите просить меня, Олег Николаевич?

– Сам не знаю... О помощи. Хотя бы о вашем совете! Вы профессионал, вам должно быть виднее, что можно сделать в такой ситуации. Раньше мне приходилось слышать о вас от моих знакомых, которым вы помогли. Если надо, я могу назвать фамилии. Я даже записал тогда ваш телефон – на всякий случай. Ну, вот он мне и пригодился... Алло, вы меня слышите?

Теперь молчание наступило на моем конце провода. Я думала.

– Да, Олег Николаевич, я вас слышу. Боюсь, вы действительно попали в беду. И если это так, наша дальнейшая беседа по телефону становится небезопасной. Вы могли бы приехать ко мне прямо сейчас, желательно вместе с вашей супругой?

– Конечно! Мы сможем быть у вас минут через двадцать. Адрес я знаю.

– Вот и отлично, договорились. И не забудьте захватить ту самую записку. И фотографию малыша, конечно.

– Разумеется. Спасибо, Татьяна Алекс... Спасибо, Таня!

В трубке слышались короткие гудки. Я медленно положила ее на рычаг.

Странная история. Странная и – тревожная. Что это – банальный киднеппинг? Если только похищение ребенка можно назвать банальным... Сердце противно сжалось от какого-то смутного предчувствия. Что за черт, день сегодня, что ли, неблагоприятный? Или это полная луна виновата? Я вдруг отчетливо увидела одинокого маленького мальчика в больничном вестибюле. Невинный заложник каких-то страшных, грязных взрослых игр. Был мальчик – и нет мальчика. «Да был ли мальчик-то?..» – всплыло в памяти. Откуда это? Ах да, из «Клима Самгина»... Тьфу-тьфу, вспомнится же такое не к месту!

Скорее инстинктивно, чем осознанно, я потянулась к замшевому мешочку с костями. Вопрос, по которому я хотела проконсультироваться у судьбы, гнезвился во мне где-то на уровне подсознания.

22+28+12. Так и есть! Поистине «черные» символы: страдания и бедствия...

Не завидую я вам, Олег Николаевич Бутковский. Или... или мне придется в корне менять свое отношение к гаданию как одному из способов нахождения истины.

* * *

В половине второго я услышала звук поднимающегося лифта и вышла на лестничную площадку встретить ночных визитеров.

Несмотря на более чем тридцатилетнюю разницу в возрасте, они были действительно красивой парой. Вот только счастливыми сейчас не выглядели. Мадам Бутковская, по имени Наталия (муж, представляя ее, сделал особое ударение на этом «аристократическом» окончании, что заставило меня фыркнуть про себя), была и вправду хороша собой. Но все же не настолько, чтобы слагать об этом легенды. (Это я отметила не без облегчения – тоже, естественно, про себя.) Яркая брюнетка с большими зелеными глазами, изящной линией носа и крупным чувственным ртом, она в этот час семейной печали не стала кощунствовать, употребляя косметику. Впрочем, следов пролитых слез на ее лице я тоже не увидела. Что касается фигуры, то пышная грудь, ноги «от зубов» и примерно мой рост – это все, что я смогла определить под джинсами (конечно, очень дорогими) и каким-то длинным свободным блузоном. А почему бы, в самом деле, и не джинсы? Ведь не на светский же раут она собиралась!

Справедливости ради должна заметить, что и гостя оценила хозяйку должным образом – уж на это у меня глаз наметанный. Как бы то ни было, владеть собой она умела: улыбнулась мне просто и мило. Если это была игра – то весьма искусная.

Даже несколько шагов от лифта до двери моего скромного жилища Наталия Бутковская прошла, опираясь на руку мужа. Но, черт возьми, я и сама была бы не прочь прогуляться под руку с этим джентльменом по нашему «тарасовскому Арбату», а еще лучше – по набережной какой-нибудь Ниццы! До сей минуты я никогда не видела Олега Бутковского (он, по моим сведениям, не любил позировать перед телекамерами), но именно таким его и представляла. Я поспорила бы на что угодно, что ему никак не больше, ну, скажем, сорока пяти. Высокий, статный, с выправкой гусарского полковника и манерами дипломата, с

пышной шевелюрой, тронутой на висках благородным серебром, – он, однако, вовсе не был красавцем мужчиной в голливудском понимании этого термина. Но мужчиной – да, мужчиной он, безусловно, был!

Он произносил какие-то дежурные вежливые фразы, даже пытался улыбаться, но в глубине его умных серых глаз притаилась такая боль, что мне становилось жутковато всякий раз, когда я туда заглядывала.

Мы разместились в гостиной. От кофе мои гости отказались, за что я, признаться, была им благодарна: в это время суток я бы просто не выдержала «кофейного ритуала». Перво-наперво Бутковский вручил мне важнейшую улику – записку похитителей. С умным видом я крутила ее и так и эдак, как та мартышка из басни – очки. Только что не полизала. Увы! Никакой зацепки дать нам она скорее всего не сможет. Написана она была на самом обычном листке плохой бумаги, выдранным из блокнота, каких навалом в каждом киоске, самым обычным черным фломастером, каких миллионы. К тому же печатные буквы выведены по линейке – на всякий случай: вдруг кому-то все же придет в голову провести почерковедческую экспертизу. Оно, конечно, можно было бы попробовать, будь в моем распоряжении все технические чудеса современной криминалистики, но... не дал Бог жабе хвоста – а то бы всю траву потолкла! Я с сожалением отложила записку и приступила к выяснению обстоятельств дела.

Обстоятельства эти – в общих чертах – выглядели так. Вчера в пятом часу дня Антоша Бутковский в сопровождении водителя по имени Григорий и по фамилии Орлов (любопытное сочетание – отметила я про себя) вышел из детской поликлиники номер девять. (Малыш стоит на учете у кардиолога, у которого и был на приеме.) Дальнейший их путь лежал на дачу в Усть-Кушум, где их ждал сам Олег Николаевич. Сели в машину, но она почему-то не завелась. Не зная, что случилось и сколько времени займет ремонт, Орлов решил, что мальчику будет лучше посидеть в прохладном вестибюле поликлиники. Тем более что ребенок и сам просился туда. Григорий купил ему мороженое, чтобы малыш не скучал, и попросил девушку в регистратуре присмотреть за ним. Дело, однако, оказалось пустяковое, и минут через десять можно было ехать. Орлов вернулся за мальчиком, но того в вестибюле не было. Регистраторша не смогла сказать ничего вразумительного, правда, к ней, как на грех, набежало много народу. Перепуганный шофер обыскал не только всю поликлинику, но и все близлежащие кварталы, скверы и дворы. Напрасно! Нигде не было и следа Антона, никто не видел мальчика. Отчаявшись, Григорий вернулся к машине, собираясь доехать до ближайшего отделения милиции. И вот тут-то, обнаружив

записку, понял, что как раз с милицией торопиться не следует... Еще около часа он колесил по городу в какой-то безумной надежде, и только после этого повез свою повинную голову к хозяину в Усть-Кушум.

Вот и все, что они могли сообщить мне по делу. Между делом же я узнала массу дополнительной информации о семействе Бутковских. Но разрази меня гром, если мне было ведомо, что именно из этой «россыпи» может пригодиться в будущем!

Например, я узнала, что главе семьи уже почти пятьдесят семь, а его прекрасной половине – 25 лет. Что до своего блестящего замужества Наталия Корнюшкина (чем не аристократическая фамилия!) успела побывать и фотомоделью, и актрисой – играла в одной «подвальной» студенческой труппе. Кстати, именно там – в пыли ветхих декораций и костюмов, в густом сигаретном дыму – и откопал свой драгоценный алмаз незадолго перед тем овдовевший Олег Бутковский, которого друзья случайно затащили в модный в ту пору театральный подвальчик. Случилось это пять лет назад, а через год у молодоженов уже родился сын Антоша. Правда, счастье молодой семьи омрачило печальное известие: у мальчика обнаружили врожденный порок сердца с каким-то хитроумным названием. Но отец задействовал все доступные ему медицинские авторитеты и препараты (а для Олега Бутковского уже тогда практически не было ничего недоступного), и малыш развивался нормально, хотя и под постоянным наблюдением врачей, рос красивым, добрым, жизнерадостным ребенком.

В последнее легко было поверить, глядя на большое цветное фото сероглазого улыбающегося ангелочка, которое протянул мне его отец. (Рука Бутковского при этом предательски дрогнула, и он быстро отвернулся, чтобы скрыть блеснувшие в уголках глаз слезы.) В симпатичной мордашке Антона Бутковского, пожалуй, было больше материнского «наследства», но глаза, улыбка и – так мне показалось! – характер у него были, несомненно, папины.

Еще я узнала, что Бутковские живут в четырехкомнатной квартире монументального четырехэтажного дома «сталинской» постройки на Староказачьей улице – в самом центре города (и совсем недалеко от меня). Что с ними мирно сосуществуют в этой квартире теща Мария Тарасовна, мать Натальи Алексеевны – пардон, Наталии, – которая – я имею в виду тещу – моложе своего зятя на целых пять лет, а также королевский пудель Барри и матерый кот Тимофей Петрович. Что Глава семейства Олег Николаевич вот уже неделю как

числится в отпуске, но дела фирмы никак его не отпускают; вот и в злосчастную эту пятницу, то есть вчера, он с утра пораньше уехал на дачу, надеясь в спокойной обстановке поработать с документами и дожидаться приезда сына с бабушкой. Но дождался только ужасного известия о происшедшем, с которым в восьмом часу вечера прилетел к нему в Усть-Кушум верный вассал Григорий.

«...Или ловкий прохиндей», – мысленно закончила я фразу.

– Если я правильно вас поняла, – я обращалась к обоим супругам сразу, – то все происходившее с того момента, когда ребенок покинул вашу квартиру на Староказачьей, вам известно только со слов вашего шофера Орлова?

– Да, конечно, ведь больше с ними никого не было. Но Гриша, он...

– Минуточку, Олег Николаевич, к нему мы еще вернемся. Сейчас я хочу знать: как получилось, что с четырехлетним ребенком к врачу – к врачу! – отправились не мать, даже не бабушка, а простой водитель автомобиля, пусть даже личного? Простите, если вмешиваюсь в вашу семейную жизнь, но не кажется ли это вам немного... нелогичным? Да ведь и вы, по-моему, обмолвились, что ждали малыша на дачу вместе с бабушкой?

Бутковский открыл было рот, но первой отозвалась его жена:

– Олег, можно я объясню? – Она ласково тронула руку мужа, и он ответил ей таким же ласковым рукопожатием.

Когда Натали Бутковская заговорила со мной, в ее глубоком грудном меццо не было ни тени раздражения – напротив, ангельская доброжелательность:

– Вы правы, стороннему человеку все это может показаться странным. Человеку, который не знает истинных взаимоотношений в нашей семье. Но позвольте, я сначала расскажу вам, как было дело, а вы уж сами судите, логично это или нет. Действительно, Антоша должен был отправиться на дачу, а следовательно, и в больницу с бабушкой, моей мамой. Муж, как вы уже знаете, еще с утра был в Усть-Кушуме, а я рассчитывала приехать туда в субботу: накануне, до самого вечера, у меня были дела в городе. Если вас интересует, какие именно – пожалуйста, это не тайна. – Она едва заметно улыбнулась. – Я не люблю ничего тайного: все равно оно в конце концов становится явным. Так вот: днем у меня

был «визит вежливости» к подруге. У нее я была до половины шестого. Затем – салон красоты, портниха... Вот и все. Но это все дела, сами понимаете, не минутные, так что до девяти вечера моей программы хватило.

– Ну а как же все-таки с бабушкой?

– А бабушка после обеда вдруг почувствовала себя нехорошо. Наверное, от жары подскочило давление, она ведь у нас гипертоник с большим стажем. В общем, когда приехал Гриша, она наглоталась таблеток и лежала в кресле с мокрым полотенцем на голове. А Антошка рвался на дачу, он ведь об этом мечтал целую неделю. Ну, Гриша и позвонил мне – я оставила телефон подруги на всякий случай, спросил, как быть. Я и подумала: пусть едут без бабушки, что тут такого? Спросила у Григория, справится ли он сам с визитом к врачу, он, конечно, сказал, что все сделает. Он ведь в этой поликлинике тысячу раз бывал. И вообще... знаете, Гриша Орлов – человек, на которого можно положиться абсолютно. Надежен на все сто. И Антошку любит страшно, все время его балует. Так что, когда Антон с ним, мы все спокойны. Кто же мог знать...

Ее плавная речь неожиданно пресеклась – словно споткнулась о некую невидимую «стену плача», которая на время сокрылась в тумане пустых речей, но вдруг возникла прямо на пути во всей своей неприкрытой трагичности. Муж встrepенулся, притянул к себе голову Натали, сунул ей под нос платок, который она прижала к лицу обеими руками.

Когда она, наконец, отняла руки, веки ее слегка припухли, длинные ресницы были помяты, но глаза сухи. Платок – тоже...

Я решила, что пауза закончилась. (Чуть было не сказала – рекламная. Господи, ну почему меня тянет думать всякие гадости об этой женщине? Грешна, грешна... Ведь у нее такое горе, в самом деле! И разве она виновата в том, что респектабельный миллионер влюбился в нее и выбрал в жены?!)

– Господа! – Я постаралась придать своему голосу как можно больше значительности, хотя в четвертом часу утра, если вы еще не ложились, это совсем не просто. – Я думаю, вы отдаете себе отчет в том, что при сложившихся обстоятельствах подозрение прежде всего падает на вашего водителя Орлова. Минутку, минутку! – остановила я готовые сорваться с их губ возмущенные реплики. – Это и есть тот важный вопрос, который я хочу вам задать. Можете ли

вы, Олег Николаевич, и вы, Наталия Алексеевна, абсолютно честно и искренне, как говорится, положив руку на сердце, сказать: да, я доверяю этому человеку, Григорию Орлову, безоговорочно, целиком и полностью? Известны ли вам какие-либо обстоятельства, которые бросали бы тень на этого человека или давали бы хоть малый повод усомниться в его искренности? Конечно, если я возьмусь за ваше дело, то составлю о нем собственное мнение. Но если у вас есть такие сомнения, то лучше рассказать об этом сейчас. Итак, ваш ответ?

Олег Бутковский не медлил ни секунды:

– Да, я доверяю Григорию безоговорочно, и никаких причин сомневаться в нем у меня нет.

Он отчеканил это, глядя мне прямо в глаза.

– А вы, Наташа?

– Согласна с мужем полностью, я вам уже говорила. Вот только... – Она явно колебалась. – Олег, по-моему, мы должны рассказать Татьяне о Грише?

– Натуся, это явно не то обстоятельство, которое может, как выразилась Таня, бросить тень на Гришу. Но рассказать мы, конечно, должны. Видите ли, Таня, у Григория есть судимость. Он сидел.

– Час от часу не легче! Только не говорите мне, что за похищение людей с целью получения выкупа...

– Нет. За убийство.

– И вы серьезно считаете, что этот факт его биографии не бросает на него тень?!

– Конечно! Это ведь было непреднамеренное убийство с целью самообороны. Григорию было тогда, кажется, всего двадцать. Только-только пришел из армии. Дружил с девчонкой, подумывал даже жениться. Как-то вечером возвращались из клуба, ну и встретили их в темном переулке трое местных головорезов. Кажется, кто-то из них имел виды на его девицу. Гриша-то парень не промах: служил в десанте. Только вот немного не подрассчитал... Ну, словом, свернул он

одному из тех подонков шею. И сам тут же пошел в милицию. Вот такой он, Григорий. А эта маленькая мерзавка, за которую он дрался, – представляете? – в суде свидетельствовала против него. Мол, эти трое хотели мирно поговорить (это с финками-то!), а Гришка сам затеял драку. Ну, слава Богу, нашлись еще какие-то свидетели, да и положительные характеристики сыграли свою роль. Гришу ведь многие знали в их маленьком городке. Родом он из Воронежской области, кстати, а корнями – из донских казаков. В общем, срок ему дали небольшой, но все равно это, сами понимаете, не курорт...

– Все это он рассказал вам сам?

– Сам. Но не сразу. И если бы вы знали, чего мне стоило вытянуть из него эту правду... Он не любит об этом говорить, хотя судимости своей не скрывает. И только потом, когда мы с ним по-настоящему подружились, как-то под настроение все выложил... Кстати, Таня, я вас попрошу: не говорите Григорию, что вам известно об этом. Я уверен, он сам вам расскажет.

– Посмотрим, посмотрим... А как вы с ним познакомились, Олег Николаевич?

– Так ведь Григорий сидел здесь, в Тарасове. В «зоне» завел кое-какие связи с местными, ребята обещали помочь устроиться на воле. А у него, пока сидел, мать умерла на родине, и больше на всем свете – никого... Вот и решил обосноваться здесь. Материнский домишко продал, здесь купил секцию в «малосемейке». Устроился охранником в одну фирму, в другую – благо этих вакансий всегда полно. Так и дошел до нашего «Бутона». Мне этот парень сразу понравился. Есть в нем – как бы это сказать? – какая-то цельность, здоровая, прочная основа. Другому разок по морде дадут – и он уже раскис, а этот... Сколько пришлось пережить, а вот – не сломался. Я быстро понял, что парень работы не боится, за легкими деньгами не гонится. А месяца через три после того, как Григорий к нам пришел, ему выпал случай показать себя в деле, да еще как! Мне не хотелось бы сейчас рассказывать подробности, думаю, это необязательно... Одним словом, я обязан Григорию не только большими деньгами, но, возможно, и жизнью.

Я присвистнула. Этот Григорий Орлов интересовал меня все больше и больше. И я не сказала бы, что интерес этот был чисто профессиональным...

– Да, именно так, – подтвердил Бутковский. – Вот почему я сказал, что доверяю ему целиком и полностью. Поверьте, я неплохо разбираюсь в людях, мне на своем веку приходилось сталкиваться и с подлостью, и с предательством, но и с кристальной человеческой порядочностью – тоже! Так вот: Гриша Орлов – как раз из этой последней категории. Я знаю его уже два с половиной года, два из них он работает у меня водителем, а это – ежедневный, ежечасный контакт. И ни единого раза за все это время он не дал мне повода изменить свое мнение о нем. У него сложный характер, что, в общем, неудивительно при его-то судьбе: может вспылить, и очень сильно... Да, он не ангел, разумеется. Но... – В голосе Бутковского появилась какая-то особенная, по-отцовски теплая интонация:– Знаете, Таня, я бы очень хотел, чтобы у меня был такой сын, как Григорий. Старший сын...

Я заметила, что при этих последних словах какая-то темная тень пробежала по лицу Олега Бутковского. Или это мне только почудилось?..

– Ну вот, я рассказал вам о Грише. – Бутковский выпрямился в кресле, как бы давая понять, что его мнение окончательно и обжалованию не подлежит. – Это гораздо больше, чем просто хороший работник. Это – друг. Вот почему сама мысль о том, что Орлов может быть как-то замешан в исчезновении моего сына, кажется мне дикой.

На всем достаточно длинном протяжении мужниного монолога Натали не проронила ни слова. Она едва покачивала красивой головой, но не в знак согласия: казалось, она и не слышала ничего. Ее широко раскрытые изумрудные глаза остановившимся взглядом смотрели куда-то в пространство. Может, и верно, что глаза – зеркало души. Но в этом зеркале сейчас ничего не отражалось.

Голос снова заговорившего Бутковского отвлек меня от моих наблюдений.

– Да, я ведь забыл одну любопытную деталь. Можете себе представить: Григорий еще и учится в экономической академии имени Плеханова в Москве! Да-да, будет специалистом по маркетингу и менеджменту. Голова у него работает что надо, и деловая хватка, чувствую, есть. Так что не век ему баранку крутить, Танечка. Я уже начал понемногу вводить его в курс дел, мне ой как необходим надежный помощник! Так-то.

Это известие добило меня окончательно. На сегодня с меня хватит суперменов.

– Хорошо, Олег Николаевич! Вы меня почти убедили. Теперь я буду с нетерпением считать минуты до встречи с вашим уникальным Григорием. Но перед этой встречей неплохо было бы все-таки поспать. А потому постарайтесь ответить мне на последний – в настоящий момент! – вопрос: у кого могла возникнуть нужда оказать на вас давление? Партнеры, конкуренты, враги, а может, и друзья? Ну, хоть кого-нибудь хоть сколько-нибудь подозреваете?

– Никого. Ни в малейшей степени.

– Наташа, а вы?

Бутковскому пришлось вторично окликнуть жену, чтобы в ее глазах снова затеплилась жизнь:

– Что?.. Нет, конечно, нет. Никого. Что я могу знать об этом?

А в самом деле – что она может знать?..

Олег Бутковский снова взял Натали за руку, посмотрел мне прямо в глаза, как мне показалось, душераздирающим взглядом:

– Татьяна, вот мы перед вами. Мы рассказали все, что знали. Нет нужды повторять, что мы сейчас чувствуем. Мы провели несколько ужасных часов... Умоляю, помогите нам! Найдите нашего сына! Любые деньги, любая помощь, какая в моих силах... Не сомневайтесь! Я жду вашего ответа.

Вид у него был такой, словно он ждал не ответа, а приговора. Я устало потерла глаза, в которых словно было по сто граммов песка в каждом.

– Я берусь за ваше дело, Олег Николаевич (я услышала вздох облегчения). Я сделаю все, что смогу. Но вы должны понимать, что в таком деле стопроцентной гарантии успеха вам не сможет дать никто. Простите, мне тяжело вам это говорить, но надо быть готовыми к любому исходу. (Им это совсем не понравилось, но они все понимали.) Тем более что мы еще не знаем требований похитителей – если это все-таки похищение. Что касается гонорара, такса у меня

твердая: двести долларов в день плюс накладные расходы. Надеюсь, это не слишком обременительно для вас?

- Боже мой, какой разговор! Торг здесь неуместен.

Я тоже так думала.

- Что ж, Олег Николаевич, с этой минуты вы мой клиент. Насколько я поняла, через несколько часов вы уезжаете за город. Ваша теща тоже едет с вами?

- Да, после всего, что случилось, мама наотрез отказалась оставаться на выходные одна в квартире, - ответила мне Натали.

- А мне необходимо встретиться с нею сегодня же. И, разумеется, с Орловым тоже. Только не в первой половине дня, конечно, - поспешно добавила я.

- А знаете что, Танечка? - заговорил Бутковский. - Я тут подумал... Почему бы вам не провести этот уик-энд с нами, в Усть-Кушуме? Если, конечно, у вас нет других планов. Правда, моральная обстановка сейчас не располагает к отдыху, но все же... Лето... Волга... Как раз и встретились бы со всеми сразу. И не забудьте, что именно там мы должны получить новую информацию, так что ваше присутствие может оказаться весьма полезным. Так как?

Признаться, я и сама об этом подумывала. «Других планов» у меня как раз не было. Зря, что ли, в начале этой ночи мне хотелось выть на луну?

- Я принимаю ваше приглашение, Олег Николаевич. Если, конечно, ваша супруга не против.

- Ну что вы, Таня! Я очень рада.

Натали подтвердила свою радость ослепительной улыбкой.

Впрочем, радушие гостеприимной хозяйки было сыграно в этот раз слабовато. Я хотела даже, как Станиславский, крикнуть: «Не верю!» - но сдержалась.

- Ну вот и отлично! - Олег Бутковский, как всегда, не притворялся.

– Гриша заедет за вами, когда вы выспитесь. Он тоже будет с нами. Скажем, часика в четыре?

– В самый раз.

Я еще нашла в себе силы проводить чету Бутковских до входной двери и даже понаблюдать торжественное шествие Натали, не замедлившей, конечно, подцепить супруга под руку. Когда за ними захлопнулась дверь лифта – удивляюсь, как я не упала прямо на пороге, оставив свою квартиру нараспашку.

Последним проблеском моего гаснущего сознания была мысль о роли имени Григорий в отечественной истории. Гришка Отрепьев... Григорий Орлов... Гришка Распутин... Григорий Явлинский... И опять – Григорий Орлов!..

Глава 2

Судьба стучится в двери

Проснулась я вовсе не от того, что выспалась, а от потрясения. Мне часто снится всякая дребедень, особенно когда я отбываю в царство Морфея лишь под утро. Но чтобы такое!.. Самозванца Гришку Отрепьева разъяренная толпа тащила к проруби с криками: «А был ли мальчик-то, го-го-го, да был ли он?!» Страшная, обросшая черной шерстью рожа Распутина бешено крутилась надо мной, выплевывая слова: «Грешна, грешна, матушка!!! В милицию не обращайся! Жди указаний на даче, с тобой свяжутся!!!» – и с диким хохотом проваливалась куда-то в бездну. Красавец граф Орлов объяснял мне в любви у фонтана, называя почему-то великой государыней Екатериной, а Григорий Явлинский, поглядывая на меня со значением, десантными приемчиками укладывал на лопатки своих оппонентов в Госдуме...

В довершение ко всему мне казалось, что я уже в аду и черти поджаривают меня на самой большой из своих сковородок. Пересилив страх, я приоткрыла глаза – проверить, так ли это на самом деле. Чертей поблизости не было, сковородки тоже, а я, благодарение Богу (да не оставит он меня своей великой милостью!), находилась в своей собственной постели. Но на том самом месте, где ровно

двенадцать часов назад висела истязавшая меня луна, сейчас плавало раскаленное полуденное солнце. Оно-то меня и поджаривало.

Таким образом, альтернативы «вставать – не вставать» не было. С гримасой отвращения к жизни я сползла с влажной простыни и заковыляла в ванную. Состояние было то самое, для которого у меня существует краткое и точное определение: танк переехал. Однако кое-какие инстинкты в моем тяжело травмированном организме все же сохранились, и, проходя мимо большого зеркала, я, как обычно, бросила туда взгляд. Ах, лучше бы я этого не делала! То, что я там увидела, все-таки, безусловно, было женщиной, тому были слишком явные доказательства: но уж, конечно, никакому Омару Хайяму, случись он здесь, не пришло бы на ум назвать эту женщину лунолицой или подобной розе.

Прохладный душ, кофе и питательная маска из грецкого ореха с медом сделали свое благое дело: я стала опять походить на человека – физически, духовно и умственно. И это было очень кстати, потому что маленькие стрелки всех моих часов неумолимо приближались к цифре 4. А с этого часа я, хоть разбейся, снова должна быть в полной форме – не только как детектив, но, и это главное, как достойная представительница прекрасной половины человечества.

Вместе со способностью соображать вернулись и мысли о деле, которое я так неосмотрительно взвалила себе на плечи этой ночью. Дело о пропавшем мальчике... С какого боку за тебя взяться? Какие сюрпризы ты мне приготовишь? И главное, главное – чем закончишься, каким финалом?.. Признаюсь, мое ночное гадание, насулившее моему клиенту цепь страшных страданий, не на шутку испугало меня. Впрочем, разве он и теперь уже не страдает? Ах, если бы знать, что имела в виду судьба... И ты, тарасовский Шерлок Холмс в юбке, берешь на себя такую ответственность?! Ведь это тебе не жуликов ловить и даже не убийц, которые свое мокрое дело уже сделали, и хуже никому не станет – разве тебе самой, если будешь душой. А здесь... От самой маленькой, пустячной твоей ошибки зависит не то что слезинка ребенка – его жизнь! А уж ошибок ты можешь наделать запросто, никогда ведь ни с чем подобным не сталкивалась... Одно слово: дура! Дура и есть.

«Да, дура! – одернула я свое взбунтовавшееся „альтер эго“. – Больно ты умное – после драки языком чесать. Только, когда Бутковский заглядывал тебе в душу глазами раненой собаки, почему-то молчало. Так что теперь лучше заткнись и думай, что будем делать!»

Крыть «второму „я“» было нечем, и оно заткнулось. Правда, гениальных идей тоже не предлагало. Как и первое, впрочем. Так что я решила дальше не напрягать мою детективную сущность и отложить разработку стратегии и тактики будущего расследования до того момента, когда похитители выдвинут свои требования и у нас, по крайней мере, появится хоть какая-то ясность. Быть может, они их уже и выдвинули. Скоро узнаю.

А вот моя женская сущность – о! Она-то не желала никакой передышки – напротив, все настойчивее заявляла о себе. Как будто ей даже чудились впереди какие-то возможности самореализации, еще неопределенные, смутные...

Мне все это брожение и трепетание совсем не нравилось. Нет, сам по себе этот процесс весьма приятен, а его развитие – тем более, и в любом другом подходящем случае я, конечно, не имела бы ничего против, но... Беда была в том, что именно этот случай я считала совсем неподходящим. Мне было стыдно признаться себе, что мое все возрастающее волнение связано со скорым появлением Григория Орлова. Ну кто он такой? Пока для меня ответ на этот вопрос был ясен, что бы там мне ни наговорили Бутковские: подозреваемый номер один. Если не «мозговой центр» преступления (это вряд ли), то исполнитель – очень и очень вероятно. Разве не может быть, что вся эта его порядочность – хитрая игра и что совсем неспроста он так долго втирался в доверие к шефу и завоевывал популярность в его семействе? Кстати, неизвестно еще, какие у этого Рэмбо отношения с Натали...

Натали. Вот тоже еще та штучка! Бутковский от нее без ума – это видно каждому, кто имеет глаза. «Поверьте, я неплохо разбираюсь в людях», – сказал он. Дай-то Бог, дай-то Бог... Надо будет и к ней тоже присмотреться повнимательнее.

Да уж, пока в уравнении, которое мне предстоит решить, – одни неизвестные! Но главный «икс» – это, конечно, он, Гришка Орлов. Я ведь его еще и в глаза не видела, а только о нем и думаю – не много ли чести?! Кто – я, и кто – он? Какой-то водила, темная лошадка, кот в мешке! Супермен чертов... Может, на него и смотреть-то страшно, а я... И позволить, чтобы из-за какого-то сомнительного мужика – кстати, сколько ему может быть лет? – так колотилось и замирало мое драгоценное сердце? Вот еще напасть!

В общем, я с удовольствием приструнила бы мою женскую сущность так же, как приструнила «альтер эго», но... видимо, женская сущность нравом была покруче. Сдаваться она явно не собиралась.

«Ну, ей же хуже», – решила я.

К половине четвертого я была полностью экипирована к предстоящему «деловому уик-энду». Сумка с дачной амуницией стояла наготове в прихожей. Делать было больше нечего, оставалось только ждать.

Впрочем, почему же это – нечего? Пока еще есть время, попробую-ка я привлечь себе в союзницы саму судьбу. Сейчас вот брошу кости и ткну в них носом свое женское начало...

Так... Так... Ну же, ну!.. Нет!!! Только не это!

Я явственно услышала, как мое женское начало закатилось победным хохотом. Звезды, оказывается, специально для меня засветили ярче и предвещают начало пылкой страсти.

Я решительно встала, подошла к бару, рывком открыла дверцу, налила огромную рюмку коньяку и хлопнула ее одним махом. Раз уж все равно судьба стучится в двери – двум смертям не бывать, а одной не миновать!

Судьба постучалась одновременно с четвертым ударом моих настенных часов. Вернее, она просто позвонила в прихожей, но на два этих звука наложился еще стук моего сердца, так что у меня создалось впечатление адского грохота. На нетвердых ногах (коньячок уже начал действовать) я продефилировала к входной двери.

Я распахнула ее во всю ширь... и подумала: если звезды выбрали для моей пылкой страсти такой объект – то лучше уж им было бы вообще не зажигаться.

За порогом, покачиваясь гораздо явственнее, чем я, стояло нечто невообразимое в драной майке, которая когда-то была голубой, и черном спортивном трико. Оба предмета одежды выглядели так, будто в течение нескольких лет исправно служили пижамой бомжу, ночующему в мусорных баках. Рост и телосложение

посетителя – а он был, несомненно, мужского пола – в народе получили название «метр с кепкой». Кстати, кепка тоже присутствовала: нахлобученная до самых глаз, она была такого почтенного возраста, что наиболее сохранившимся ее фрагментом можно было считать обломок пластмассового козырька. Из-под кепки выбивались кудри неопределенного колера, бордовый нос типа «рубильник» и еще некоторая площадь, относящаяся, очевидно, к лицу и сплошь поросшая рыжеватой щетиной.

Чтобы сразу расположить меня к себе, посланец судьбы широко улыбнулся.

– Зд...асть, х...зьяка! – Меня чуть не сбил с ног причудливый букет ароматов, в котором – могу поклясться! – не было только моего пятизвездочного армянского коньяка. – К...упите клубничку! Недорого отдам, за п...терочку.

В руке у него действительно было грязное лукошко с какой-то красноватой кашицей, которая вполне могла иметь клубничное происхождение.

Видимо, на моем лице отразилась некая сложная гамма обуревавших меня чувств, и пьянчужка истолковал ее по-своему – как сомнение в выгодности предлагаемой сделки:

– Не сумлеваись, х...зьяка: хорошая клуб...ника!

Для убедительности он протянул мне лукошко, из которого уже капали на пол капли ягодной крови.

– Дешево отдаю, всего п...терка, ну! Тут целых полтора кило, это ж даром, х...зьяка! Варенье сваришь детям. А?

– Да не нужна мне твоя клубника! – Я наконец обрела дар речи. – И детей у меня нет. Иди себе с Богом!

Я попыталась закрыть дверь, но он с неожиданной резвостью просунул в щель свое лукошко, а следом за лукошком показались плечо и голова. Остальное осталось за порогом, так как давление на дверь я не ослабила.

– Э, э, хозяйка! Зачем ты так, ну? Отличный товар! Давай п...терку и забирай... Ну хоть за трешку, слышь?

Его можно было понять: он пытался ухватить за хвост свою последнюю ускользающую надежду. В другой момент я без слов дала бы страждущему требуемую смехотворную сумму. Но сейчас я была слишком раздосадована на фортуна за подлый обман! Так что нахальство нежданного коммивояжера только подлило масла в огонь:

– Слушай, ты, сказано – вали отсюда!

Я решительно уперлась свободной рукой ему в плечо, он кряхтел, но не сдавался...

Ситуация явно принимала трагикомический характер. В принципе мне ничего не стоило бы спустить его с лестницы. Но останавливало одно соображение: в этом случае его клубника почти гарантированно размазалась бы не только по моей прихожей, но и по моему «отпадному» дачному прикиду. А это было бы уж совсем некстати...

– Что здесь происходит?

Голос за дверью раздался совершенно неожиданно: видимо, из-за нашей возни я не услышала, как подъехал лифт. От этого голоса сердце мое подпрыгнуло до самого горла – и безнадежно оборвалось куда-то вниз...

Одновременно с этой репликой нового персонажа объект, оказывавший давление на мою дверь, исчез с такой быстротой и легкостью, словно его выдернула могучая десница судьбы. Собственно, так оно и было на самом деле. От неожиданности я захлопнула дверь, навалившись на нее всей тяжестью, а когда снова распахнула – моему взору предстала картина, потрясшая меня своей аллегоричностью.

Могучий лев – нет, скорее орел! – держал за шиворот тощего пьяненького зайчишку, такого же поникшего, как и его клубника в лукошке (которое он, однако, крепко прижимал к себе).

Моя судьба меня не обманула! Она просто опоздала на пять минут – и только...

– Здравствуйте, Татьяна, – спокойно повернулся ко мне Григорий, не выпуская из лап свою добычу. – Все в порядке? Он вас не обидел?

– Нет-нет, мы мирно беседовали! – Я уже с трудом сдерживала смех. – Клубничку вот предлагал...

– Только и всего-то? И почему клубника, дядя?

Орел понемногу разжал стальные когти, и зайчишка, почуяв свободу, встрепенулся, решил, что не все еще потеряно:

– Х...зяин, недорого! П...терка всего. Хозяин, друг, возьми, выручи! А красавица твоя – того... сурова больно. – Незадачливый торговец бросил на меня заискивающий взгляд, пытаюсь угодить нам обоим.

Мы с Григорием опять переглянулись, его глаза тоже смеялись.

– Ну вот что, дядя...

Орлов не спеша извлек из кармана безукоризненных светло-серых шелковых брюк дорогой кожаный бумажник, а оттуда, тоже не торопясь, выудил новенькую десятирублевую бумажку. Пьянчуга зачарованно следил за его манипуляциями, как кролик за удавом.

– На-ка тебе за труды. Сдачи не надо. И ступай себе с Богом!

Алкаш схватил купюру свободной от лукошка рукой и несколько секунд обалдело смотрел на нее, потом поднял счастливые глаза на своего благодетеля:

– Ну хозяин! Ну человек! Выручил! Уважил! Клубничку-то возьмешь? – добавил он с некоторым сомнением, не отрывая, однако, от груди заветную корзинку.

– Нет, дядя, не надо. Это тебе на закуску. Мы сейчас с моей красавицей на дачу едем, там клубники полно.

Григорий говорил вполне серьезно, вежливо и даже с чувством, а сам, твердо придерживая собеседника под локоток, понемногу направлял его стопы восвояси:

- Ступай, друг, ступай. Мы спешим. Выпей за наше здоровье, если вспомнишь.

- Понял, х...зяин! Понял! Ушел, уже ушел... Ну, молоток парень, дай тебе Бог здоровья!

Он все быстрее и быстрее пятился мимо лифта к лестнице. На верхней ступеньке чуть было не потерял равновесие, стукнулся сначала об перила, потом об стену, чудом удержался на ногах, но лукошко все так же незыблемо покоилось у него на груди.

«Ну челове-е-ек!!!» - слышалось откуда-то уже с нижних пролетов.

Мы с Григорием одновременно посмотрели друг на друга - и наконец-то расхохотались. Хохотали мы долго, взрывами веселья подбадривая друг друга. Я, совсем обессилив, припала к своей открытой двери, а он - к косяку снаружи. И для него, и для меня это была долгожданная разрядка после огромного напряжения последних суток. Смеялся Григорий заразительно, потряхивая большой красивой головой, и несколько раз даже смахнул мизинцем выступившие на глазах слезы. Смех у него был чертовски приятный, как и голос с мягким южным выговором: мелодичный, бархатный и в то же время очень мужественный, а про его зубы я подумала, что он может неплохо зарабатывать, рекламируя зубную пасту. «Неужели же ему в тюрьме так-таки ни один не выбили?..» - пронеслась глупая, наверняка навеянная коньячными парами мысль...

- Простите... я... не представился... Орлов... Григорий.

- Я... поняла... Таня... Иванова.

Я протянула ему руку для пожатия и, не без удовольствия уступив мягкой силе его ладони, втащила затем Григория в прихожую и захлопнула дверь. Как раз вовремя: парочка соседских дверей наконец-то загремели запорами. Не прошло и часа... Вот люди! Меня запросто могли бы убить за это время, а они - ни гу-гу!

Моя рука все еще оставалась в его руке, а может, и наоборот... Сразу посерьезнев, Григорий осторожно высвободил свою – как бы для того, чтобы достать из кармана носовой платок. (Платок, к слову, тоже был такой, каким не стыдно воспользоваться при даме.)

– Чертова жарница... – Он промокнул глаза и лоб. – У вас тут еще терпимо.

– Это у меня-то – терпимо?!

– Н-да, приключение! – Григорий снова усмехнулся, вспомнив недавнюю сцену за дверью. – Вот уж правда: от трагического до смешного – один шаг...

Я не стала уточнять, какое «трагическое» он имеет в виду: это было и так понятно. Его большие темно-карие глаза с густыми ресницами были печальны. Но мне так не хотелось, чтобы он грустил! По крайней мере сейчас...

– «Трагическое» случилось бы, если бы вы задержались еще минут на пять, Григорий. Представляете, в каком виде вы меня обнаружили бы, если б в пылу борьбы этот тип невзначай вывернул на меня свое лукошко?

– Да, прошу меня простить, я чуть опоздал: остановил гаишник – посчитал меня лицом кавказской национальности. Проверил документы, так нет – еще к чему-то прицепился. Минут десять, подлец, продержал без всякой причины! Спасибо, знакомый лейтенант проезжал, выручил, а то бы мог застрять не знаю на сколько... А насчет клубничной маски... Не думаю, чтобы она вам навредила, Таня!

Я все-таки заставила его взглядом скользнуть по мне сверху вниз и обратно, но... взгляд этот нигде не задержался и остался, кажется, совершенно безучастным! Только едва заметная улыбка тронула его губы... Вот те раз! А я-то была уверена, что мой наряд для «делового», но все же уик-энда – короткие шорты и весьма пикантная, на грани пристойности, маечка – сработает безотказно...

Чего же ему надо, этому супермену? (Теперь, увидев Григория, я употребляла это определение вполне серьезно.) Мог бы, по крайней мере, из вежливости дать мне понять, что все оценил. Или у него действительно железная выдержка, как

мне рассказывал Бутковский, или... Уж не сдерживает ли его то же самое, что и меня полчаса назад: что мы с ним – по разные стороны баррикады?.. Да нет, нелогично: в этом случае ему, наоборот, надо было бы стараться как можно быстрее меня соблазнить, чтобы выведать все мои карты...

А может, я зря все усложняю? Может, он просто... просто представитель сексуального меньшинства?.. «Нет, только не это! – Я с отвращением прогнала от себя ужасную мысль, более ужасную, чем та, что Григорий может оказаться преступником. – Он настоящий мужик, или я в этом ничего не смыслю! Судьба обещала мне пылкую страсть, и я ее получу... О да, конечно же, получу!!!»

Я обомлела: Григорий смотрел мне прямо в глаза долгим, внимательным, изучающим взглядом. Этот взгляд еще не был страстным, даже, пожалуй, и нежным – но он проникал в душу, будоражил ее, выворачивал ее наизнанку... О том же, что этот взгляд предвещает настоящую страсть, говорили только его чуть приоткрывшиеся губы – полные, красиво очерченные – да слегка учатившееся дыхание. Кажется, я начинала его понимать! Григорий принадлежал к той вымирающей сегодня породе мужчин, которым незачем раздевать женщину взглядом в первые минуты знакомства. Они просто знают, что это от них никуда не уйдет! Для этих мужчин важнее заглянуть в душу, а не под одежду, узнать, что там, и понять. Обладание телом не дает им полного кайфа без единения душ, и потому они готовы оттягивать этот миг ради полноты ощущений...

Пожалуй, я считаю такой подход несколько старомодным, но... мне остается только принять его условия. Черт меня подери, они не так уж и плохи!

В моем ответном взгляде сквозили лишь дружеская теплота и женская снисходительность. (Один Бог знает, чего мне это стоило!) Пусть не воображает, что уже подцепил меня на крючок... «Терпение, детка! – сказала я своей женской сущности. – Считай, ты его уже получила. Но смотри не влюбись в него! Только не влюбись!»

– ...Так вы готовы, Татьяна? – Григорий снова был просто вежливым водителем, которому предстояло выполнить поручение шефа, – не больше. – Машина у подъезда. Или вы предпочитаете допросить меня здесь?

Ого, как мы заговорили!

– Допрашивает, гражданин Орлов, следователь, а я – просто расспрашиваю. И у нас, думаю, еще будет время. Так что поехали. Наверное, радушные хозяева заждались.

Ах, язык мой, враг мой... От этого невольного намека Григорий потемнел, словно грозовое небо. Напрасно я перебрала весь арсенал своих обворожительных улыбок: кокетливые, соблазнительные, просительные, даже заискивающие... На всем пути от моего порога до автомобиля он не проронил ни слова. Молча взял у меня из рук сумку, молча вызвал лифт, молча распахнул передо мной дверь подъезда и дверцу машины...

Кстати, авто Бутковского меня приятно удивило. Это был не какой-нибудь там «Мерседес» или «БМВ» – ну кого нынче удивишь «Мерседесом»? – а серебристая «Лада» самой последней модели, которая только-только поступила в продажу. Надежный и современный отечественный автомобиль свидетельствовал не только об основательности и умеренности его хозяина, но и о патриотизме последнего. Значит, машина нужна человеку, чтобы ездить, а не для того, чтобы пускать пыль в глаза. И даже когда я со знанием дела рассыпалась в похвалах в адрес супер – «жигуленка» – верное средство расположить к себе любого водителя! – даже тогда Григорий ответил мне коротко и сухо, только чтобы не быть грубым.

Ну ладно, пусть подуется, если ему охота. В конце концов, что я такого сказала? Просто пошутила. Откуда же мне было предполагать, что шутка попадет точно в цель? Я же, по договоренности с Бутковским, ничего не знаю о том, что Григорий знаком и со следователями, и с методикой ведения допросов..

Глава 3

Заявление главного подозреваемого, или у меня появляется напарник

Мы медленно двигались по городским улицам в плотном потоке всевозможных транспортных средств, то и дело тормозя у светофоров и увязая в пробках. Снаружи царило знойное африканское лето, а в салоне машины благодаря кондиционеру – мягкая весенняя прохлада нашей средней полосы. Я слышала, что кондиционерами новые «Лады» оборудуются за дополнительную плату по

спецзаказу. Что ж, мой клиент мог это себе позволить.

Я удобно откинулась на мягкое сиденье и сделала вид, что прикрыла глаза. Старый женский трюк: вы притворяетесь, что отключились, а сами сквозь просветы в длинных и густых ресницах наблюдаете за происходящим. Конечно, видно не очень хорошо, но главное усечь можно. Например, что ваш муж трогает за коленки вашу подругу. Или что человек, который вам небезразличен, с обожанием смотрит на вас... Главное – добиться, чтобы ресницы не дрожали.

Но сейчас мои глаза были дополнительно защищены темными очками, так что задача существенно облегчалась. Я просто чуть-чуть опустила веки. Да и задача-то у меня была примитивная: хотелось не очень откровенно поглазеть на Григория.

В профиль он был ничуть не хуже, чем анфас. Правда, тоже спрятал глаза под солнечными очками, но глаза его я уже видела. Смотреть в них опасно... Брови – густые, черные, «демонические»: сходятся на переносье почти прямыми линиями, взлетают к вискам и вдруг делают кокетливый изгиб книзу. Между ними – резкая складка, которая разглаживается на высоком лбу. На нем тоже уже обозначились две-три морщинки. Да, видно, хлебнул ты лиха, Гришка Орлов... А лет тебе, пожалуй, около тридцати. Ну, может, побольше на год-другой.

Уши просто великолепны. Нос классический, «греческий», но слишком тяжеловат для худощавого лица. Так же как нижняя челюсть. «И тяжелая нижняя челюсть говорит об отсутствии чувств...» – вспомнились мне строчки из какого-то гусарского романа. А рот – для контраста – очень даже чувственный. Так и хочется его чувствовать, чувствовать... Чему ж верить-то?.. Подбородок с ямочкой чуть выдается вперед, и на щеках тоже ямочки. Выбрит безукоризненно – впрочем, место обязывает. А с волосами он, наверное, мучается: темно-каштановые, почти черные, они у него, по-моему, очень густые и жесткие, как проволока. Такие волосы ведут себя как им заблагорассудится, единственный выход – коротко стричь. Что Григорий и делает. Мне нравится, когда мужчина коротко стрижен, особенно если у него череп такой красивой формы и такая мужественная шея...

В самом деле: этакий тарасовский Рэмбо. Но только... с русской душой.

Увы: небезразличный мне человек не бросал на меня исподтишка влюбленных взглядов. Орлов, казалось, вовсе забыл обо мне. Он был сейчас в своей стихии, вел машину легко, без напряжения. Большие загорелые руки, которые могли бы служить образцом развития мужской мускулатуры, свободно лежали на баранке. Впрочем, он вообще был сложен как бог – это я сразу оценила еще там, на моей лестничной площадке, когда впервые увидела его с «зайчишкой» в лапах. Чтобы это понять, женщине вовсе не обязательно долго разглядывать мужчину через полуприкрытые ресницы.

Пожалуй, хватит: надо просыпаться. А то ведь просто мазохизм какой-то получается!

Я пошевелилась. Мы уже почти миновали северный форпост Тарасова – поселок Праздничный (черт меня подери, если это название подходит к бесформенной россыпи чудовищных многоэтажек посреди чистого поля!) – и вот-вот должны были выскочить на Усть-Кушумский тракт. Почуввав свободу, пятискоростная «Лада» рванулась вперед как птица. В запасе у нас оставалось меньше чем полчаса «тет-а-тета».

Пора моей женской сущности взять тайм-аут. Коньяк из меня почти выветрился. Детективное начало жаждало деятельности.

Григорий опередил меня, заговорил первым:

– Шеф вам рассказал про меня?

– Смотря что именно.

– Ну, о моих тюремных университетах.

– Не-ет... – Я как могла изобразила крайнее изумление.

– Ну, нет так нет. – По его тону я поняла, что он поверил мне примерно так же, как если бы я сказала, что недавно летала на Луну.

– Значит, я расскажу. Так вот: перед вами бывший уголовник. Зек. Статья 108 УК РФ, часть 1: причинение смерти при превышении пределов необходимой

обороны. Я не хотел его убивать – он сам хотел этого. Но это, как вы понимаете, мало меняет дело. И то, что, как говорится, искупил, – тоже дела не меняет. Бывших уголовников вообще-то не бывает. Это все равно что потерять невинность. Был человек – стал зек! Все! Стоит только ступить на скользкую дорожку, правда? Ну там блатная романтика, крутые дружки, все такое прочее... Разве у зека есть другой путь, разве ему позволительно снова стать человеком? Не-ет... Как волка ни корми – он все в лес норовит! Не так ли, уважаемый детектив?

Голос Григория звучал совершенно спокойно, даже лениво. Но чувствовалось, что этот выстраданный монолог стремительно раскручивает в нем какую-то невидимую эмоциональную пружину. И не дай Бог, если эта пружинка сорвет свои ограничители... Пока я хлопала глазами, озадаченная неожиданным поворотом разговора, Григорий закончил свою мысль:

– Таким образом, у вас имеется готовый главный подозреваемый. Не подозреваемый – конфетка! На такого что угодно повесь – все выдержит, не отвертится. Так что, если б делом занималась родная милиция, меня бы уже давно, как говорится, под белы ручки и – к следователю. Ну а у вас, Танечка, какая будет для меня мера пресечения?

– Для начала я бы хорошенько вас стукнула по макушке, чтобы вы перестали молоть ерунду. Да вот жалко такой умной головы: ишь как складно сам себе сочинил приговор!.. Никто вас ни в чем не обвиняет, зачем вы так, Гриша? – совсем другим тоном, почти ласково закончила я.

Моя реплика достигла цели: я сбила с него трагический пафос. Он ошеломленно уставился на меня.

– Не обвиняете? Да бросьте вы, Таня! – Пружинка снова начала плавно сжиматься. – А в общем, мне все равно, обвиняют меня или нет. Я сам себя обвиняю! И этой вины с себя не сниму, даже если все другие простят. Ведь это я Антошку проспал, я! Мне его доверили, я за него отвечал! По гроб жизни теперь не забуду, как я приехал вчера вечером к Олегу с этой вестью.словно побитый пес. Его глаза... Чуть душу из меня не вытряс. Потом извинился, правда, а мне от этого еще тошней, понимаешь? – Я с удовлетворением отметила его первую фамильярность в мой адрес, хотя еще не осознанную. – Уж лучше бы убил... Я бы на его месте – убил гада, точно знаю!

Ну, кажется, теперь его понесло в другую сторону: началось самобичевание. Этак мы до Кушума доберемся раньше, чем до сути разговора.

Но Григорий не переставал меня удивлять. Неожиданно он резко сбросил скорость, свернул на зеленую обочину и остановил машину. В результате этого пируэта мой лоб едва не соприкоснулся с лобовым стеклом «Лады». Я даже позволила себе некое нелицеприятное замечание в адрес водителя, но Григорий и ухом не повел:

- Извините. Я хочу сделать заявление. Можно?

- Валяйте.

Он повернулся ко мне всем корпусом, левой рукой продолжая небрежно опираться на руль. Вынуждена признать: поза была эффектная, особенно для сцены «заявление главного подозреваемого».

- Я не замешан в этом деле, Татьяна. То есть я хочу сказать – не замешан с преступным умыслом. Я понимаю, что вы не обязаны мне верить – ну кто я вам? Понимаю, что обстоятельства этого дела говорят не в мою пользу. Шеф нанял вас, чтобы расследовать это дело и отыскать Антошку, и вы обязаны отработать все версии – это я тоже понимаю. Поэтому, что бы вы обо мне ни подумали, обижаться я не имею права. И не буду. Сам влип, чего уж там... – Он горько махнул рукой, лежащей на баранке, усмехнулся невесело. – Зачем я вам все это говорю? Да просто не хочу, чтобы вы теряли время, Таня! Эти подонки, которые Антошку украли, – они же могут что-нибудь с ним сделать, понимаете?! Ему ж четыре годика всего, и больное сердце... Да он слова грубого до сих пор не слышал, все его на ручках носили, а тут...

Мне на секунду показалось, что слова эти произносит Олег Бутковский. Ну, скажу я вам! Если все это можно сыграть – значит, передо мной сам дьявол, а не человек.

- Вы так любите его, Гриша?

- Антошку-то! Да разве можно его не любить?! Для меня Антошка и Олег... ну, это вроде как моя семья. Это все, что у меня есть. И думать, что это я... я Антошку... ну, я не знаю!

Он яростно потрянул головой, быстро отвернулся и несколько мгновений молчал, глядя на пролетавшие мимо автомобили. Я тоже молчала. Мне хотелось бы сказать ему, что я так не думаю, но... врать ему я сейчас не могла. Если честно – правда заключалась в том, что я сама не знала, что я думаю.

Григорий снова повернулся ко мне, весь подался вперед. Я увидела близко-близко его глаза, они опять смотрели мне прямо в душу...

– Найдите их, Таня! Слышите? Найдите, очень прошу! Мне это нужно больше, чем вам. Вы получите только деньги, а я... Мне надо вернуть домой Антошку, но не только это. Мне нужно мое честное имя. Нужно уважение человека, которого я уважаю. Мне нужно вернуть себе право называться мужиком, черт возьми!

Забывшись, он что есть силы шарахнул кулаком по клаксону, и несчастная машина с воплем подскочила на месте. И я вместе с нею.

– Простите меня, что-то я совсем... – смешался Григорий. – Вот это и есть мое заявление. Найдите их, пожалуйста! И... отдайте мне. Они – мои!

– А вот этого не надо, – строго сказала я. – Вы что – хотите вторично отправиться за решетку из-за каких-то негодяев? О них будет кому позаботиться, Гриша. Давайте-ка сначала их отыщем!

– Вы правы. Там видно будет. Но... – он посмотрел на меня просительно, – Таня, я хочу быть с вами в этом деле! Если можно... Это ведь и мое дело тоже. Мне кажется... возможно, кто-то хочет сделать меня пешкой в своей поганой игре.

– Почему вы так думаете? – насторожилась я. – Есть что-то конкретное?

– Да вроде нет... – Он на минуту задумался. – Так... Скорее предчувствие. Я ж говорю – возможно...

– И все-таки?

– Ну вот, скажем, вопрос: почему Антошку похитили именно тогда, когда он был со мной? Зачем им было так рисковать? Я последние сутки только об этом и думаю. Куда проще было бы увести его, ну, например, когда он гулял с Марь-

Тарасовной – таких возможностей было сколько угодно. Ведь это ж чистая случайность, что малыш остался без присмотра на десять минут... Вернее, даже не одна: случайным было и то, что мы выехали из дома без бабушки.

Григорий попал в точку: эти вопросы и мне не давали покоя.

– А не кажется ли вам, Гриша, что в этом деле вообще слишком много случайностей?

Он замер, пораженный неожиданной очевидностью этого факта:

– Что вы имеете в виду?

– Кто еще мог знать о том, что вы с Антоном будете вдвоем?

– Да никто! Конечно, кроме Марь-Тарасовны и Наташки... то есть Натальи. Я и сам-то узнал об этом за десять минут до того, как посадил Антошку в машину. Мы это решили с Натальей по телефону, вам же наверняка рассказали, как было дело. Так что до моего звонка не знала ни она, ни Марь-Тарасовна.

– По дороге вы не встретили никого из знакомых? Нигде не останавливались? Не случилось ничего примечательного?

– Нет и нет – на все вопросы. Да там и езды-то всего десять минут...

– А в самой поликлинике?

– Тоже нет. Прием был назначен на четыре, мы приехали минуты за три. Когда вышли от врача, я еще глянул на электронные часы в вестибюле: на них было почти половина пятого. Подумал – быстро управились. И тут – на тебе: машина не заводится!

– А что, кстати, с ней произошло?

– Да ерунда, клеммы отошли. Хотя странно: я только утром проверил аккумулятор, все было в норме. Потому-то я сразу про это не подумал. А тут Антошка: «Опять, – говорит, – дядя Гриша, у тебя что-то случилось, можно я пока

пойду попугайчиков посмотрю?»

– Каких попугайчиков?

– Ну, там у них в поликлинике, у входа, устроено что-то вроде живого уголка – вольера с волнистыми попугайчиками. Антошка обожает на них глазеть. И правда красиво... Ну вот, мы купили эскимо и вернулись в вестибюль...

И Григорий самым подробным образом, но теперь от первого лица, рассказал мне все, что я уже знала. Лишь несколько новых деталей я взяла на заметку. Надо будет проверить на месте, что это нам дает...

Мой собеседник выпрямился:

– Так вы примете помощь бывшего уголовника, детектив? – Он сделал ударение на слове «бывшего». – С Олегом я поговорю. Думаю, он согласится временно прикомандировать меня к вам. Это было бы просто расчудесно!

Я протянула ему руку:

– Да будет так. Аминь! Так что – мир и дружба?

– Мир, дружба и... – Я надеялась, что он скажет «любовь», но он добавил: – И взаимопонимание!

Весь остаток пути мы беседовали на темы, не имеющие к расследованию никакого отношения.

Глава 4

Семейный ужин с сюрпризом

В Усть-Кушум – живописнейшее старинное село на высоком зеленом берегу Волги – мы въехали около шести часов вечера. Над ним царило солнце,

петушиные крики и мощная какофония звуков, несущихся из десятков стереосистем, которую лишь при очень развитом воображении можно было назвать музыкой.

В последние годы традиционную архитектуру села существенно «разбавили» пышные дворцы тарасовской знати – политической, финансовой и криминальной. Все, как на подбор, из красного кирпича и крытые сверкающей металлочерепицей, они соревновались друг с другом только числом и вычурностью всевозможных каменных и металлических украшений: башенок, балкончиков, мезонинов, галереек, лесенок, портиков и прочей совершенно бесполезной дребедени. Впрочем, даже это назойливое вмешательство человека пока еще не испортило – пока! – великолепную природу Усть-Кушума.

Дача Бутковских на фоне этой архитектурной разнузданности казалась почти что бедненькой. Это значит, что она была оснащена всем необходимым для дачной жизни – и не больше.

Однако мне не пришлось долго разглядывать добротный белокаменный дом в два этажа, с открытой верандой и гаражом, отгороженный от внешнего мира солидным, но не лишенным изящества забором и тенистым палисадом. Хозяин уже поджидал нас на крыльце и поспешил мне навстречу, пока Григорий открывал ворота и загонял во двор машину.

Едва поприветствовав меня и махнув рукой водителю (они уже виделись утром), Бутковский на мой вопрошающий взгляд грустно покачал головой:

– Нет. Пока никаких новостей...

– А телефон в порядке?

– Да, в полном. Их даже два: обычный и мобильный.

– Что ж, подождем. Еще не вечер. Выше голову, Олег Николаевич!

Мне хотелось ободрить его, но, боюсь, это было не в моих силах. На него было больно смотреть.

– Гриша, отнеси, пожалуйста, вещи Татьяны в ее комнату, ты знаешь в какую. Скоро будем ужинать, Танечка, – вот вернется Наташа... Она пошла навестить тут кое-кого из знакомых. А пока, может быть, хотите искупаться? Тропинка через сад спускается прямо к Волге, тут десять минут ходу. Гриша может проводить.

– Да нет, я лучше попозже. Люблю плавать ночью.

– Ну, как знаете. Да, вот еще что... Надо было придумать какое-то объяснение насчет Антоши – ну, почему его не видно. На случай, если кто-то спросит. Так вот: он подхватил ветрянку и лежит у себя в комнате. Это ж такая штука, при которой надо несколько дней прятаться от солнца, пока сыпь не сойдет. Мы приехали рано утром, никто не видел, что его с нами нет...

Я согласилась, что это разумно.

– А насчет вас, Танечка... Вы, если не возражаете, – Натусина подруга. Тоже, как говорится, на всякий случай.

Я не возражала. К роли подруги Натали я решила отнестись с юмором.

Бутковский представил меня остальным членам семьи – то есть теще, пуделю и коту. С Барри – улыбчивым существом розового цвета, стриженным «под льва», – мы сразу подружились. Кот же отнесся ко мне не по-джентльменски: едва приподняв огромную сытую морду, два раза лениво хлопнул хвостом – и снова растекся по плетеному креслу на веранде.

Что касается бабушки, Марь-Тарасовны, как называл ее Григорий, то она напомнила мне обезьянку из известной притчи: ничего не видела, ничего не слышала, ничего никому не скажу. Когда-то она работала воспитательницей в детском саду, рано потеряла мужа, но жизненный практицизм ее юной дочери и более чем прочное положение пожилого зятя, казалось, совершенно отучили ее самостоятельно мыслить и принимать решения. Еще не старая, но преждевременно и как-то добровольно увядшая пухленькая особа с крашенными в огонь завитыми волосами, она замкнула свою жизнь на маленьком внуке, собственной гипертонической болезни, телевизионных «мыльных операх» и иллюстрированных журналах.

Сейчас, с неожиданным выпадением одного из четырех столпов, жизнь Марь-Тарасовны дала резкий крен в сторону гипертонии. Я нашла ее в той самой позе, которую описала мне сегодня ночью ее дочь: в фиолетовом атласном халате с желтыми драконами она полулежала в кресле с обвязанной чем-то огненно-рыжей головой в окружении несметного количества пузырьков, тубиков и облаток с таблетками. Говорила Марь-Тарасовна слабым плаксивым голосом, поминутно переводя дух, закатывая глаза и хватаясь то за сердце, то за голову. Я чувствовала себя жутко виноватой, что не даю ей спокойно умереть, и при первой же возможности оставила ее в покое.

Но я все-таки занесла в свой «банк данных» некоторые сведения относительно того, как обитатели квартиры на Староказачьей улице провели первую половину вчерашнего рокового дня. Примерно часов в десять – после окончания очередной серии – Марь-Тарасовна отправилась по своим делам: в собес, в аптеку и на рынок. «Наташенька хотела, чтобы я взяла Антошеньку погулять, но я не согласилась: везде такая давка, такая давка... Ах, как подумаю, что его могли похитить во время нашей прогулки...» – и так далее, и так далее. Вернулась бабушка около часу. Натали уже нервничала: она торопилась упорхнуть к своей приятельнице Сонечке Карленко – не то на именины, не то на какую-то годовщину ее развода с мужем. Однако перед уходом заботливая дочка собственноручно разогрела мамочке ее любимый настой шиповника, который в обязательном порядке пьется перед едой, чмокнула в щеку, прощаясь до завтра, но наказала в случае чего звонить Сонечке, у которой она уж точно будет до четырех, а то и подоле.

«И вот, только Наташенька ушла, я Антошу накормила – и началось... Чувствую, умираю: сердце выскакивает... в висках стучит... Зарекалась ведь без шляпы ходить по солнцепеку – так нет!»

Мне показалось, что эта красноголовая носительница драконов не столько опечалена исчезновением внука, сколько напугана. И еще – что она знает больше, чем говорит. Слишком уж она старалась отделаться от моих вопросов.

По резной деревянной лестнице, какие бывают в исторических фильмах, я поднялась на второй этаж – в свою комнату. Хотелось освежиться и переодеться. В дачном доме Бутковских, правда, не имелось отдельной ванной при каждой комнате для гостей, но две ванн все-таки были – на первом и втором этажах. Я с удовольствием воспользовалась ближайшей и вернулась к себе, обмотавшись большим пушистым полотенцем. Я бы не возражала, если б

по пути мне попался Григорий (любопытно: как бы он отреагировал на меня в этой ситуации?), но его не было видно. Да и никого другого – тоже. Ладно, попробую соблазнить своего нового напарника ночным купанием в реке.

Отведенная мне комната была скромной, как и вся обстановка в доме, но очень славной. Довольно большая, почти квадратная, она заключала в себе широченную деревянную кровать с тумбочкой, двустворчатый платяной шкаф, письменный стол и два удобных кресла с низким журнальным столиком. Определенно эта комната была предназначена для того, чтобы поселившийся здесь гость, в свою очередь, принимал гостей! Разумеется, имелось в наличии и множество других предметов, делающих пребывание здесь удобным и приятным, – от огромного зеркала на стене до мягкого паласа на полу.

Большое окно выходило в великолепный старый сад, за которым – совсем близко! – просматривались сверкающая лента Волги и изумрудные купы деревьев на противоположном берегу. Красота была неопишуемая, и я, засмотревшись, даже позабыла о голоде, который все настойчивей давал о себе знать. Где же, однако, черти носят эту Натали? Давно пора бы уж и за стол! Только сейчас я сообразила, что сегодня у меня во рту не было ни крошки – только чашка кофе да рюмка коньяку...

В этот предвечерний час в тени старых развесистых крон было уже почти темно. Но что это там забелело между деревьями? Двигается в направлении дома. О, да это женщина в белом шарфе!

Я не сразу узнала Натали, потому что кроме сбившегося газового шарфа, покрывавшего голову и обмотанного вокруг шеи, на ней были непроницаемо черные узкие очки. И – странноватое, не в ее стиле, платье: какое-то бесформенное и безликое, очень длинное снизу и наглухо закрытое сверху.

Но более всего не походила на Натали... она сама. В лице ее было не намного больше краски, чем в белом шарфе. Она брела как слепая, цепляясь за корни трав, хватаясь руками за стволы. Губы ее шевелились, словно она читала молитву. Когда она прошла в нескольких шагах от моего раскрытого окна, до меня донесся даже едва слышный шепот, но из-за шума листвы слов я, конечно, не разобрала.

Я инстинктивно нырнула за штору, хотя в таком состоянии Натали вряд ли заметила бы даже несущийся на нее поезд. Вот это дела... Во мне проснулись угрызения совести. Как я могла усомниться в ее материнских чувствах! На каком основании? Наверное, ночью, у меня в квартире, бедняжка была еще в состоянии шока.

Я рассеяно вытряхнула на кровать содержимое своей сумки и в оставшиеся до ужина тридцать-сорок минут, все так же рассеяно наводя марафет, продолжала жалеть Натали. Пока наконец – то – уже почти в половине девятого! – ко мне постучал хозяин дома и пригласил к столу. Телефонного звонка от похитителя до сих пор не было.

Внизу, в столовой, все уже были в сборе. Хозяйка, предводительствовавшая за столом, выглядела, конечно, удрученно-взволнованной, как все в этой комнате, но, кажется, уже вполне оправилась от транса, невольным свидетелем которого я стала недавно. Вместо белого шарфа и глухого бесформенного платья на ней теперь был белый сарафан, радикально открытый со всех сторон. Должна признать, что она от этого не проиграла.

Григорий же, словно по контрасту, явился к ужину во всем черном. Нет нужды говорить, что черное ему было страсть как к лицу, но я и виду не подала, что заметила его. Говорил он мало, но я все чаще кожей чувствовала на себе его взгляды – уже не только задумчивые, но и пламенные. Однажды наши руки случайно столкнулись над салатом с крабами (клянусь, я тут совершенно ни при чем!), и меня словно подбросило током высокого напряжения. Держу пари, с Орловым произошло то же самое!

Для меня это было единственным светлым впечатлением от этой скорбной трапезы. Разговор за столом наклеился. Да и какой, черт возьми, может быть разговор, если все думали об одном и том же, но именно об этом все боялись говорить! Проклятый телефон держал людей в страшном напряжении. Олег Николаевич, не поддерживаемый почти никем, рюмка за рюмкой опустошал бутылку французского коньяка. Но не пьянел: наоборот – «гайки» внутри его, кажется, закручивались все туже и туже. Его жена изо всех сил старалась сохранить самообладание и видимость хозяйской заботы. Марья Тарасовна шумно вздыхала, то и дело вытирала платочком глаза и качала головой, отчего ее желтые драконы зловеще колыхались на фиолетовом поле.

Резкий телефонный звонок произвел эффект разорвавшейся бомбы. Кто-то подскочил на месте, кто-то что-то перевернул, сразу несколько голосов громко ахнули. Олег Николаевич схватил трубку:

– Алло!.. Что?.. Да нет здесь никакого Жоржика, вы ошиб... То есть как?! Я же вам сказал...

Стало ясно, что позвонивший положил трубку. Бутковскому не оставалось ничего другого, как сделать то же самое.

– Спросили какого-то Жоржика. Я говорю – нет такого, а он мне: скажи, мол, Жоржику, что мы обтяпали это дельце... Идиотизм какой-то!

В гробовом молчании домочадцев я подала голос первой:

– Звонил мужчина?

– Да. Голос хриплый, этакий блатной. И манера тоже.

– Что он сказал – дословно?

– Сначала: «Папаша, Жоржик там?» Без всяких предисловий. Я ответил, а он: «Передай Жоржику, что мы это дельце обтяпали без него, так что пусть не дрейфит». И положил трубку... Послушай! – Осененный внезапной догадкой, Олег Николаевич посмотрел на своего водителя: – А это, случайно, не ты – Жоржик? Ты не ждешь никакого звонка?

Все глаза в комнате повернулись в сторону Орлова. У того мгновенно напряглись и покрылись красными пятнами скулы, но он спокойно выдержал испытующий взгляд шефа:

– Нет. Я не жду звонка. И я никакой не Жоржик, вам это хорошо известно. А если б даже это было и так, то никто из моих знакомых не стал бы беседовать с вами в такой манере.

– Да, я знаю. Но мало ли что... Я знаю, Гриша. Извини.

Бутковский подошел и опустил руку на плечо Григорию. Будто не заметив дружеского жеста, Орлов встал из-за стола:

- Спасибо за ужин. Выйду покурю.

- Ты же бросил!

- Ну, значит, так пройдуся.

Мне очень хотелось составить ему компанию, но это, пожалуй, было бы уж слишком. Не поймут.

Когда за Григорием закрылась дверь, в столовой повисла еще более напряженная тишина, чем когда-либо.

- Странно! - вдруг многозначительно изрекла посреди этой тишины Марья-Тарасовна. - Все это очень странно...

В чем, в чем, а в этом я была с ней согласна.

- Ах, да оставьте вы, Мария Тарасовна! - взорвался Олег Николаевич. (Ну, на ком же еще сорваться, как не на теще!) - Что там «странно»? Чей-то идиотский розыгрыш, да и только. Глупо получилось с Гришей... «Жоржик»? Черт знает что! Вы-то что обо всем этом думаете, Таня?

- Возможно, вы и правы: идиотский розыгрыш. Возможно, самая обыкновенная шутка наших связистов, что, по-моему, наиболее вероятно. А может быть, и провокация.

- Что-то прохладно стало, - вмешался нервный голос Натали. - Пожалуй, закрою окно.

Она встала и двинулась в окно, ведущему в сад: только оно одно и было распахнуто настежь.

- ...Провокация? То есть вы считаете, что этот дурацкий звонок может быть как-то связан с похищением моего сына?

Я не успела ответить. В комнате погас свет, и мы оказались в кромешной тьме. Оказывается, снаружи уже совсем стемнело!

Все, что случилось вслед за этим, уложилось, должно быть, в несколько секунд. Но в темноте нам показалось, что прошла целая вечность...

Сначала я услышала только обычные в таких случаях возгласы (среди которых был и мой собственный). Затем почти одновременно раздались два звука: пронзительно вскрикнула Натали – и что-то довольно увесистое глухо стукнулось о деревянную поверхность. Теща (истощно): «Ах, ах...» Муж (в смятении): «Натуся, что случилось?!» Жена (взволнованно): «Что-то бросили в окно! Камень...» Все (перебивая друг друга): «Где, где? Что такое?!»

По комнате заметались суматошные тени. А снаружи послышался топот бегущего человека, но он, как ни странно, не отдалялся, а приближался к нам. В тот момент, когда тяжелые шаги замерли за дверью на террасу, мы увидели, что это запыхавшийся Орлов:

– Что тут стряслось?!

– Гриша... Таня...

Бутковский, а вместе с ним и все остальные, не отрываясь смотрели на маленький бумажный сверток, лежащий на полу немного в стороне от окна – почти на уровне ножки стола. Он был перевязан ниткой с одной стороны и напоминал конфету-трюфельку.

Мгновенно я поняла все!

– Не трогать без меня! – приказала я «массовке», окружившей сюрприз, и развернулась к Григорию: – Скорее в сад! Он не мог далеко уйти! Я проверю улицу.

Ему не надо было повторять дважды. Мы разбежались со скоростью ветра.

Длинная деревенская улица была совершенно пуста. Я как могла обследовала ее в обоих направлениях. Ночь была ветреная, беспокойная: небо затянулось

тучами, и не было видно не то что луны – ни единой звездочки. Ярко освещенные усадьбы проявляли бурные признаки жизни, но нигде я не заметила ничего подозрительного. Мне ничего не оставалось, как вернуться к нашему крылечку и подождать Орлова. Минуты через две он показался на садовой тропинке, вооруженный фонариком, – увы, с тем же результатом. Впрочем, я понимала, что наши шансы в такую ночь были равны нулю даже при наличии фонарика, зорких глаз и быстрых ног. Если наш метатель записок еще и не удрал на безопасное расстояние (что маловероятно), он мог спокойно отсиживаться за любым кустом или забором и посмеиваться над нами...

В столовой мы застали картину, которая напоминала мне известное полотно «Письмо с фронта». Только вместо голубого солдатского треугольника в руках у Олега Бутковского был измятый листок, вырванный из уже знакомого нам дешевого блокнота. И лица у читающих были ну совсем не радостные...

Разумеется, они ослушались меня и распечатали послание: в центре стола лежала небольшая аккуратная галька, послужившая грузом. Но я не сказала ни слова: сама на их месте не смогла бы ждать ни доли секунды.

Мой клиент потерянно протянул мне листок. Я прочитала:

«ЖИЗНЬ МАЛЬЧИКА СТОИТ 200 ТЫСЯЧ БАКСОВ. СРОК СДЕЛКИ – СЛЕДУЮЩЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. ИНСТРУКЦИИ ПОЛУЧИТЕ НАКАНУНЕ НА ЭТОМ ЖЕ МЕСТЕ. БЕЗ ШУТОК! ВЫПОЛНИТЕ ВСЕ УСЛОВИЯ – МАЛЬЧИК ВЕРНЕТСЯ ДОМОЙ ЖИВЫМ».

Тот же черный фломастер, те же безликие буквы по линейке. Нас всех почему-то «заклинило» на телефонном звонке. Но, как видно, похитителям больше по вкусу эпистолярный жанр. Интересно – что сие может означать?..

Да уж, ночное купание сегодня придется отменить. А жаль!

– Что вы скажете об этой сумме, Олег Николаевич?

Он остановил на мне свой и без этого остановившийся взгляд:

– Нам лучше поговорить об этом наедине. Пойдемте ко мне в кабинет.

– Этот человек хочет моей смерти, – спокойно объявил Бутковский, когда мы устроились в просторных кожаных креслах в его уютном кабинете под лестницей, служившем, как видно, одновременно и библиотекой.

– «Этот человек»? У вас что, появились конкретные соображения насчет его личности?

– Нет. Я уже говорил: не имею никакого представления, кто это может быть. Ну, пусть не «человек», пусть – люди. Если они вообще люди... Но они знают, что делают. Уверен: их цифра взята отнюдь не с потолка. Примерно в такую сумму я оцениваю все мое движимое и недвижимое – ну, исключая разве что нашу городскую квартиру и эту дачу. Как видите, Таня, я не такой уж богатый человек, как многие думают. Во всяком случае, до Потанина и Березовского мне далеко. – Он невесело улыбнулся.

– Для того чтобы заплатить им, – продолжал Олег Бутковский, – я должен буду обналичить все мои ценные бумаги, продать все имеющиеся у меня акции, в том числе и контрольный пакет «Бутона». Разумеется, для фирмы это не пройдет даром. Придется расторгнуть многие действующие договора, уже запущенные сделки, остановить текущие операции. Конечно, это потеря огромных денег по процентам и неустойкам, но в итоге двести тысяч я наскребу. И вот ведь что интересно: неделя – это тот минимальный, почти невероятный срок, за который со всем этим можно управиться. Это они тоже учли!

– И другого пути нет? – Глупый вопрос, я понимаю, но должна же я была хоть что-то сказать.

– Ну почему же! Есть. – Он опять усмехнулся. – Я могу попытаться занять эти деньги. Вы понимаете, конечно, какой «банк» сможет дать мне подобный кредит и на каких условиях. По этому пути я не пойду. Нет, не пойду! Этого удовольствия я им не доставлю. Они ведь уже давно стараются поглубже запустить в меня свои когти...

Он помолчал, чертя что-то на широком подлокотнике кресла ухоженным ногтем. Я отвлекла его от этого занятия уточняющим вопросом:

– «Они» – это кто?

Он замялся:

– Не думаю, что эта структура имеет какое-то отношение к похищению Антона. Это не их методы. Я уже сталкивался с ними. Давно это было – почти три года прошло. Тогда мы с ними сыграли вничью, и будь у них какие-то козыри, вряд ли они стали бы так долго выжидать.

– И все же, что за «структура»?

– Ну, если в двух словах – татарская мафия. Хотя я бы употреблял этот термин с осторожностью: там есть фигуры не только с исламскими корнями. Помните, Таня, я упомянул об одном эпизоде с участием Гриши Орлова? Ну, когда он вытащил фирму и лично меня из одной крупной передряги? Так вот это и был тот самый случай...

И Бутковский все так же «в двух словах» рассказал мне эту историю. Три года назад у производственно-коммерческой фирмы «Бутон» появились выгодные перспективы на рынке нефтепродуктов.

(Кстати. Как я уяснила для себя, фирма «Бутон» не занималась разве что подготовкой космических полетов, да и то только потому, что в Тарасове не было космодрома. Все остальное – от розничной торговли до компьютерных технологий – входило в сферу интересов фирмы.) Так вот, перспективы перспективами, но нужны были еще инвестиции. И как-то в воскресенье на этой самой даче объявился некий полномочный представитель «структуры» с пакетом предложений – разумеется, «взаимовыгодных». Разговор не получился. По нефтепродуктам Бутковскому все же удалось тогда продвинуться, зато ему тут же дали по рукам на зерновой бирже. Было еще несколько пакостей, так сказать, средней тяжести, Олег Николаевич понял, кому надо сказать за все это «спасибо».

А как-то ранней весной заварилась каша покруче. Орлов – он тогда уже работал у Бутковского – сидел за рулем бронированного джипа, который вез хозяина с еще одним парнем из охраны в какой-то районный филиал. Наличных денег при них было немного, зато были документы, за которые «структура» не пожалела бы отдать пару-тройку своих «щупальцев». Был месяц март и – ужасающее бездорожье. Ранним утром на пустынной трассе их остановил какой-то странный патруль ГАИ. Чем именно странный, Олег Николаевич понял только тогда, когда

из милицейского «уазика» вышел тот самый эмиссар, что посетил его минувшим летом... В коротком взгляде шефа Григорий прочитал все, что ему было нужно, и джип, выкинув какой-то акробатический трюк, вырвался из оцепления.

Погоня была захватывающей, но недолгой: на мокрой обледенелой дороге с «уазиком» произошла какая-то неприятность. И, очевидно, то же не без участия водителя джипа – так, во всяком случае, мне показалось по тону Бутковского.

– Надеюсь, обошлось без жертв? – побеспокоилась я за бандитов.

– Ну что вы, Таня... Орала они, правда, громко, но отделались, думаю, разбитыми носами. Впрочем... – Бутковский слегка улыбнулся. – Первую помощь им оказывали не мы, так что точнее сказать не могу.

После этого инцидента генеральный директор «Бутона» принял необходимые меры предосторожности в отношении фирмы, себя и своей семьи. Однако «наезды» больше не повторялись. И более того: у него состоялся короткий разговор с Батыровым – одной из ключевых вершин «структуры» – в том духе, что, мол, кто старое помянет, тому...

– И вы поверили?

– Ну, поверил – не поверил, но и возражать не стал. Это я сейчас могу даже улыбаться, рассказывая, а тогда... Не знаю, скольких лет жизни мне стоило это «приключение». Я ведь уже, грешным делом, и с жизнью попрощался! Да оно скорее всего так бы и произошло, если бы не Гриша Орлов...

– А того «эмиссара» вы больше не встречали?

– Нет, – голос Бутковского прозвучал как-то глухо. – Я и не мог. Тот человек вскоре умер.

– Как умер? Откуда вам это известно?

– Не важно, но я точно знаю. Кажется, автомобильная катастрофа... У таких людей всегда достаточно шансов умереть. Не будем больше об этом.

Бутковскому явно хотелось поскорее свернуть эту тему, и я не видела причин возражать. В самом деле – что возьмешь с мертвого мафиози? Тем более что кто-то в «Бутоне» явно работает на «структуру», Бутковский и сам это уже понял... И этот человек пока что в добром здравии!

– Итак, Олег Николаевич, я жду вашего окончательного решения. Вы уверены, что не хотите передать дело, как говорится, компетентным органам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/serova_marina/vizit-iz-preispodney

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)